

ПОЛИТИЯ

Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев, А. В. Ковалевский

БАРОН УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ БАРОНЕТ! Политическая медиация на границе пустого и наполненного пространства¹

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Фондом поддержки социальных исследований «Хамовники».

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета; профессор кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Для связи с автором: grigoritchev@yandex.ru.

Андрей Владимирович Ковалевский — младший научный сотрудник департамента научных исследований Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: kovalevskiy@yandex.ru.

Аннотация. В статье на материале серии экспедиций в северные районы Иркутской области рассматривается ситуация формирования особого рода квазиполитических акторов, обозначенных в тексте термином «таежный баронет». Эти акторы возникают в условиях, когда вследствие «оптимизации» структур, ответственных за сбор информации о социальном пространстве, последнее, с точки зрения власти, становится «пустым». Наряду с массивом поддающихся считыванию маркеров наполненного пространства сокращается и в пределе сходит на нет набор операторов, способных их считывать. В результате власть оказывается слепой, лишенной возможности выполнять управленческие функции. Между тем, став невидимым для властного взора, данное пространство сохраняет себя в качестве административно и политически заданной территории, на которой представители местной власти вынуждены осуществлять предписанную им и легально закрепленную за ними деятельность. В силу «слепоты» власти эта деятельность неизбежно превращается в имитацию. Проблема, однако, в том, что в «пустом»

в восприятии власти пространстве сохраняются жители, для которых это пространство остается и социальным, и «наполненным» и которые продолжают ждать от властных институций предоставления некоторого объема общественных благ. Соответственно, возникает конфликт, проявляющийся в жалобах, обращениях в правоохранительные органы и вышестоящие по отношению к местной власти инстанции, которые ставят под удар благостную картину, рисуемую в отчетах. Необходимость как-то нейтрализовать эту угрозу и порождает потребность в агенте, не связанном проистекающими из властного взгляда ограничениями и способном ориентироваться на положение «здесь и сейчас», не нуждаясь во всеобщих нормативах. Он не просто берет на себя ряд функций местной власти, но и выступает универсальным медиатором между «пустым» и «наполненным» пространством, между локальным сообществом и государственной структурой.

Ключевые слова: пространство, территория, пустое и наполненное социальное пространство, издержки контроля, власть, население, медиатор

Одним из наиболее заметных и фиксируемых процессов в современной России стало сужение пространства политики, соответствующей базовым теориям². Сокращается число активных политических акторов (и сфер, где они возможны). Большая их часть перетекает из политики в систему управления, уже в минимальной степени обладающую политическим измерением. Политическое в его изначальном смысле, как институционализация активного существования человека в сложном обществе, собственное целеполагание, согласование и отстаивание интересов (индивидуальных и групповых), вытесняется из видимого социального пространства и легального дискурса в маргинальные области. Оно все реже выходит на поверхность, проявляясь лишь в ситуации более или менее явных сбоев в работе деполитизированного механизма управления³. Камералистское и дирижистское государство все менее расположено оставлять место для политического участия, самостоятельной политической активности.

Но если политика есть объективно существующая часть реальности, то, по логике вещей, в случае изгнания ее из официального дискурса и публичного поля она должна проявиться в какой-то иной форме. Поиск этих новых форм проявления политического за пределами привычных и опробованных моделей составляет сегодня содержание немалого числа политологических штудий⁴. Политическое ищут и обнаруживают в городском активизме⁵, региональной политике⁶ и др. Порой начинает воспроизводиться и советская практика чтения между строк, угадывания политического в неполитических жестах, высказываниях и действиях публичных фигур.

В отличие от второго подхода, по сути представляющего собой акт аналитического отчаяния, перенос в науку инструментария «телевизионных политологов», первый выглядит вполне оправданным. Ведь

² Патрушев и Филиппова (ред.) 2019.

³ Бляхер и Ковалевский 2021.

⁴ См., напр. Патрушев и др. 2022.

⁵ Паченков и Воронкова 2021.

⁶ Зубаревич 2017.

⁷ Бляхер 2021.

⁸ Bliakher 2013.

⁹ Люхтерхандт, Рыженков и Кузьмин 2001.

¹⁰ Кордонский и Дехант 2014.

¹¹ Усова 2020.

¹² Филиппов 2009.

вплоть до середины нулевых годов текущего столетия региональная и городская политика не просто присутствовала, но и существенным образом влияла на содержание политики федеральной⁷. О «региональных баронах» писали многие исследователи, в том числе и один из авторов настоящей статьи⁸. И речь при этом шла не только об особой роли губернаторов, но и об особых политических режимах, возникающих на той или иной территории⁹.

Исчезновение «региональных баронов», замена их на «эффективных менеджеров» не делает страну более гомогенной. А различие требует некоторой представленности, учета, а значит, политики, хотя бы в форме описанного Симоном Кордонским «административного торга» и конструирования угроз¹⁰.

Исследователи продолжают говорить о региональных политических элитах и в ситуации, когда последние de facto превратились в чиновников среднего уровня, чьи возможности ограничиваются распределением бюджетных средств по статьям, сформированным за пределами региона¹¹. Правда, функции, возлагаемые на них официально и дискурсивно, гораздо шире. Не обладая ресурсами и инструментами «региональных баронов» 1990-х годов, они должны, как и те, поддерживать социальную стабильность на подведомственной им территории, способствовать реализации на ней федеральных проектов, обеспечивать явку и результаты выборов и многое другое. Иными словами, они должны контролировать вверенную им территорию, управлять ею — при том что у них нет не только необходимых для этого ресурсов, но зачастую и инструментов, позволяющих «видеть» ее.

Оптимизация структуры поселений, сокращение числа сотрудников статистических служб, правоохранительных и надзорных органов превращают власть, особенно на местном уровне, в подобие ослепленного Полифема, при всей своей мощи оказавшегося не в состоянии контролировать собственную пещеру. Для сохранения непротиворечивости общей картины выпадающие из поля зрения власти пространства представляются (в отчетах, в статистике) «пустыми». Особенно отчетливо данная тенденция прослеживается в случае удаленных от центра пространств. И дело отнюдь не сводится к невозможности осуществления контроля, недостаток которого вполне может быть компенсирован за счет имитации деятельности по управлению территорией.

Как показывает Александр Филиппов, опираясь на труды Анри Лефевра, «пустое пространство» — это не то пространство, где ничего нет, а то, где нет того, что ожидалось там увидеть¹². Социальное пространство, как и пространство политическое, представляет собой текст с заданной структурой знаков и способов их считывания. Отсутствие в пространстве того, что может быть считано наблюдателем как знак, и приводит к трактовке его как «пустого».

Иначе говоря, отсутствие в социальном или политическом пространстве ожидаемого не означает, что оно является «пустым» физически. Там живут люди, присутствуют, пусть удаленно, органы власти, по-

ставляющие «наверх» отчеты о состоянии дел, имеется даже некоторый набор столь же удаленных правоохранительных и надзорных органов, которые тоже как-то осуществляют свою деятельность. И если власти продолжают «не видеть» это пространство, рассматривать его в качестве «пустого», «сжавшегося», то для жителей оно вполне наполнено, наполнено их жизнью, их витальностью. Потому восприятие его властью как «пустого» расценивается ими как неисполнение или ненадлежащее исполнение ею своих функций. Формируется конфликт, способный стать для местной (районной, региональной) власти фатальным, лишить ее легитимности, делегализовать нарисованную в отчетах картину реальности.

Указанное положение дел порождает даже не возможность, а жгучую необходимость личного целеполагания, создания именно политических инструментов, причем таких, которые были бы «невидимы» для вышестоящих. И с этой проблемой сталкиваются не только губернаторы, объем ответственности которых никак не соотносится с ресурсами и полномочиями. В аналогичной ситуации оказываются и муниципальные власти — нижний уровень государственного управления, существующий под псевдонимом «местное самоуправление», и даже силовые и надзорные органы — основной инструмент дирижистского государства¹³.

¹³ Бляхер, Григоричев и Елохина 2021.

Поскольку все эти акторы и структуры являются элементами «вертикали власти», возможность публичной презентации своих интересов и проблем, в том числе отмеченного дисбаланса между обязанностями и ресурсами, для них закрыта. В связи с этим и возникает потребность в новых механизмах властвования/управления. Но, будучи по сути политическими, эти механизмы нужны отнюдь не для утверждения своей власти/господства, а лишь для того, чтобы обеспечить соответствие утвержденному вышестоящей структурой регламенту, то есть оставаться неполитическим элементом государственной машины.

Понятно, что такие механизмы неизбежно оказываются за пределами государственных нормативов, в «невидимой зоне» — в противном случае они автоматически попадали бы под действие той или иной контролирующей структуры. Соответственно, работу по осуществлению своей административной функции чиновник ведет на свой страх и риск, вступая в область личной ответственности, устанавливая собственные режимы господства. Другими словами, политика проводится по поводу возможности избежать политики.

Стратегия избегания политики, обретения и поддержания «невидимости» для государства и его инструментов (даже если сам избегающий — инструмент государства) довольно распространена. Именно о ней идет речь в исследованиях осознанного конструирования невидимости мигрантами в крупных городах¹⁴, невидимых пространств российских городов и пригородов¹⁵ и т.д. Однако степень ее проявленности в различных локалах страны неодинакова.

¹⁴ Толыгина 2019.

¹⁵ Григоричев 2013.

В столицах и просто мегаполисах, где уровень контроля достаточно высок и базируется на развитой электронной коммуникации («ум-

ный город», системы электронного контроля и т.д.), та или иная форма невидимости может предоставляться лишь высшими структурами государства (особенно когда речь идет о крупных акторах)¹⁶ либо реализовываться в совсем периферийных, маргинальных сферах¹⁷. В подобных условиях предельно сложным оказывается даже обнаружение такого рода стратегий, не говоря уже о сколько-нибудь подробном их описании.

¹⁶ Кордонский 2018.

¹⁷ Селеев и Павлов 2016.

Зато в пространствах, удаленных от центра, от электронной коммуникации и мобильной связи, в пространствах с пониженными возможностями контроля такие стратегии и практики их реализации вполне зримы и относительно легко поддаются фиксации. Их не заслоняет плотная институциональная среда или ее имитация. О них в том или ином виде говорят. Они входят в локальный «публичный» дискурс, становятся значимыми элементами не бюрократической (всеобщей) реальности, но «метиса»¹⁸, реальности «здесь и сейчас». Это и делает их доступными для изучения.

¹⁸ Скотт 2005.

Возникающие здесь сложности носят не столько методологический, сколько технический характер. Территории с пониженным государственным и иным контролем хотя и составляют значительную, если не большую часть страны, удалены не только от государства, но и от исследователя. Там нет дорог, почти нет связи, там невозможно обеспечить ученому даже минимально приемлемые условия проживания. Организации же «кабинетного исследования», использованию столь популярных сегодня Big Data препятствует то обстоятельство, что действующие там акторы старательно избегают публичности, попадания в реестры, любой видимости, воспринимаемой ими как угроза. Поэтому подобные территории анализируют преимущественно географы и этнографы, но никак не представители социально-политических дисциплин¹⁹.

¹⁹ Замятина и Лярская 2022.

²⁰ Трейвиш 2010.

Социологи, экономисты и политологи предпочитают вслед за государством фиксировать пространственное сжатие²⁰, сосредоточившись на «видимых», еще не сжавшихся локациях. Сжавшееся же пространство в их интерпретации, как и в глазах власти, выглядит пустым. Наличие отдельных работ о таком пространстве только подчеркивает его выделенность и экзотичность в рамках властного и научного дискурсов²¹.

²¹ Позаненко 2018.

В восприятии власти пространство это предстает пустым, поскольку низовые структуры (поселения) там либо отсутствуют, либо охватывают настолько значительную территорию, что сами ее размеры исключают бюрократическое знание, да и управление *per se*. Соответственно, применительно к нему нет сколько-нибудь достоверной статистики — основного «органа зрения» власти. Для исследователей же оно просто труднодоступно, а экспедиции в российской традиции пока не стали привычным инструментом политической науки.

В настоящей статье представлена попытка взглянуть в такое пространство глазами политолога и выявить специфику работы властных механизмов и акторов на территории, имеющей имидж пустой. В осно-

ву исследования легли результаты трех экспедиций, проведенных в 2018, 2021 и 2022 гг.

Географически исследование охватывало четыре района Иркутской области (Жигаловский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский и Киренский), расположенные в верхнем течении Лены (92 населенных пункта)²². Крайние точки маршрута отстояли от областного центра на 420—1560 км (другие крупные города находились намного дальше).

²² Бляхер,
Григоричев
и Ковалевский
2023.

Основными инструментами исследования выступали наблюдение и интервьюирование. В общей сложности было собрано 36 интервью, из которых пять были получены заранее (три интервью с бывшими жителями интересующей нас территории, два — с менеджерами действующей там крупной газодобывающей компании), а остальные непосредственно в ходе экспедиций. Все респонденты, проинтервьюированные нами в «поле», юридически или фактически проживали в населенных пунктах вдоль реки. 18 из них не имели формальной занятости или получали пенсию, трое квалифицировали себя в качестве предпринимателей, восемь отнесли себя к рабочим (речники, грузчики, работники лесопилки, строители). Два респондента назвали себя мэрами поселений (при том что само поселение как административная единица отсутствовало).

Помимо респондентов в качестве источника информации использовались информанты (случайные собеседники). Кроме того, готовясь к экспедициям, мы изучили спутниковые снимки территории, официальные отчеты районов и области, материалы СМИ.

Ранее мы уже предлагали политологическую интерпретацию ситуации в Жигаловском и Усть-Кутском районах, изученных в ходе первых двух экспедиций²³. Значительная часть их территории обладает статусом межселенной, то есть юридически не имеет поселенческой структуры и, соответственно, органов власти. В этих условиях там разворачивается самая разнообразная неформальная деятельность (рекреация, рыбный и охотничий промысел, фермерство), никак не отражающаяся в государственной статистике, причем осуществляет ее довольно разнородный круг акторов, включающий в себя жителей как самих «межселенных территорий», так и районных центров и даже более удаленных крупных городов. Казалось бы, подобное положение дел должно говорить о полном безвластии. Тем не менее власть там присутствует, хотя и удаленно, на границах территории, обозначая и задавая эти границы. Более того, на «межселенных территориях» находятся акторы, способные мобилизовать удаленную власть. Такую политическую форму мы обозначили термином «периферия власти».

²³ См. Бляхер,
Григоричев
и Пешков 2022.

Недостаток эмпирического материала, однако, заставил нас ограничиться лишь выдвиганием ряда гипотез о политических механизмах на периферии власти. Экспедиция 2022 г., расширившая географический охват исследования на территории от Усть-Кута до п. Витим, позволила нам уточнить прежние заключения, а также очертить контуры властного консенсуса в «пустом пространстве» и проследить логику

поведения действующих в нем государственных и негосударственных акторов. На сделанные в ходе нее наблюдения мы и будем опираться далее.

**Описание кейса:
«местные»,
«нефтяники»
и «тяжелый
баронет»**

Пространство, попавшее в поле нашего зрения в 2022 г., отличается от исследованного ранее тем, что включает в себя минимум «жизненных территорий» — меньше 10%. До 2012 г. этот показатель приближался к 50%, но затем сюда пришли крупные газодобывающие компании, началась разработка Ковыктинского месторождения, было запущено несколько проектов в сфере нефтедобычи. Отчисления компаний увеличили ресурсы местных органов власти, что позволило в ряде случаев восстановить поселенческую структуру. Однако это восстановление не изменило ситуацию принципиально.

Расстояние между населенными пунктами, входящими в поселение, составляет 35—70 км. При этом основной для местного населения (хотя и не везде единственной) транспортной артерией остается река (Лена). Учитывая, что с сентября по ноябрь и с апреля до конца мая эта артерия не работает, а выделяемых органам местной власти и надзорным структурам горюче-смазочных материалов заведомо недостаточно для организации регулярной коммуникации и контроля, связь между центром поселения (не говоря уже о райцентре) и населенными пунктами чаще всего оказывается номинальной.

В районе Ковыктинского месторождения, п. Магистральный, райцентра Казачинское и г. Усть-Кут фиксируются если не полностью легальные, то вполне понятные (и уже описанные²⁴) отношения. Но на сравнительно небольшом удалении в несколько десятков километров возникают совсем иные практики. Причем возникают они именно там, где механизм государственного контроля дает сбой. Так, природоохранные структуры, контролирующие территорию р. Киренга от БАМа до впадения в Лену, находятся в Усть-Куте. По карте расстояние между территорией охраны и городом — 100 км, на практике же, с учетом, что движение возможно только водным путем, оно превышает 300 км. По свидетельству одного из сотрудников природоохраны, выделяемого его подразделению топлива хватает не более чем на 2—3 инспекторские поездки в год. Соответственно, для такой поездки требуются какие-то особые, форс-мажорные обстоятельства. В обычных же условиях территория остается «невидимой» для власти, то есть «пустой». Тот факт, что надзорные ведомства иной направленности и силовые органы находятся гораздо ближе (в Казачинском и Киренске), ситуации не меняет, поскольку активность местного населения разворачивается именно в подведомственной природоохранителям сфере (рыболовство, лесной промысел, предоставление рекреационных услуг приезжим «иркутянам»).

Но если для государства пространство «сжалось», перестало быть «экономическим»²⁵, то для местного — и неместного — населения оно расширилось. В нем появились возможности, которых не было прежде.

²⁴ Плюснин 2018.

²⁵ Зубаревич 2012.

«А это? Это баня была. Я эту баньку сам переделал. Теперь сдаю. Летом на рыбалку приезжают ваши, из Иркутска. Вот им и сдаю. Они уже третий или четвертый год приезжают. Им хорошо — и мне хорошо» (мужчина, 71 год, житель Казачинско-Ленского района).

Более того, восстановление государственного контроля приводит к исчезновению промысла, падению интереса к территории и местным, и пришлым. Так, в частности, произошло в одном из населенных пунктов, входящих в состав Казачинского поселения (расстояние около 35 км, имеется грунтовая дорога до райцентра).

«У нас раньше межселенные территории были, напрямую к району относились. До нас дела никому не было. Вот тогда и появились эти, бандиты. Ну, которые из Братска, Иркутска, из Усть-Кута. Они стали базы, дома строить, нашу рыбу ловили как хотели. И все по закону. У всех разрешения. А потом, когда нас в Казачинское, в райцентр включили, народ поднялся, и эти все исчезли» (женщина, 52 года, жительница Казачинско-Ленского района).

У авторов статьи недостаточно материала, чтобы оценить роль «поднявшегося народа», но важно учитывать, что именно в этот период в район «зашли» нефтегазовые компании, отчасти принявшие на себя функции энфорсера и «пробудившие» правоохранителей. В результате зарождавшаяся активность, напоминая ту, что была зафиксирована нами на участке выше Усть-Кута по течению Лены²⁶, прекратилась. «Пришлые» («бандиты из Братска и Усть-Кута») исчезли, а у местных появился новый источник дохода — нефтяники и газовики. Упомянувшиеся в интервью цены на аренду жилья в Магистральном (самом близком к Ковыктинскому месторождению населенном пункте) для работников «Газпрома» и «Транснефти» в несколько раз превышают стоимость аренды квартиры в областном центре. В ходе экспедиции нами были обнаружены фермы и рекреационные зоны близ п. Окунайский (где строится наливной терминал) и Магистрального, ориентированные отнюдь не на местных жителей и, что важно, отсутствующие в госреестре. То есть неформальные промыслы, не мешающие деятельности нефтегазовых гигантов, сохранились и процветают.

Но вся эта активность ограничивается расстоянием в один дневной переход от крупнейших центров сосредоточения «нефтяников» (так в интервью именуется работники не только собственно нефтяных, но и газовых компаний). В целом коммуникация между «нефтяниками» и местным населением сведена к минимуму. Особенно это бросается в глаза в Киренском районе. Поселки вахтовиков там всегда расположены за границами местных населенных пунктов (наши респонденты объясняют это стремлением избежать лишних контактов и трат на муниципальные нужды); местным жителям запрещено пользоваться дорогами, проложенными «Транснефтью»; их не привлекают в качестве работников. Даже питание вахтовиков организовано вне связи с местным хозяйством.

²⁶ Бляхер, Григоричев и Пешков 2022.

Пребывая на одной территории, «нефтяники» и «местные» обитают в разных пространствах. Первые находятся в пространстве «больших проектов», охватывающих страны и континенты. Местное население с его проблемами для «больших проектов» не более значимо, чем случайный пейзаж за окном для пассажира поезда дальнего следования. «Местные» живут в пространстве «здесь и сейчас». В условиях отсутствия круглогодично действующих дорог и просто какого-либо сообщения между населенными пунктами каждый «элемент ландшафта» (река, лес, земля — и те же вахтовики) используется для выживания. В этих условиях дистанцирующиеся от «местных» «нефтяники» (прежде всего строители газопровода «Сила Сибири») воспринимаются ими как непопятные и не особенно желательные соседи.

В свете вышесказанного неудивительно, что обе стороны стараются отгородиться друг от друга. И наряду со шлагбаумами, перекрывающими местным доступ к дорогам, которыми пользуются строители газопровода, появляются и совсем нехарактерные для сибирской деревни шлагбаумы на въезде в населенные пункты — «чтобы „нефтяники“ не ездили, своими машинами дорогу не разбивали».

Во многих работах, особенно экономического плана, наличие крупных корпораций трактуется как определяющий фактор развития территории²⁷. В рассматриваемом нами случае ситуация складывается иначе. Компании («Газпром», «Транснефть», Иркутская нефтяная компания) играют значимую роль в Усть-Куте и поселениях, непосредственно соседствующих с Ковыктинским месторождением. За их пределами находится совсем иной мир, с иными акторами. Ключевой актор этого мира был назван в первом же населенном пункте за Киренском. Рассказывая о том, как много всего здесь было в советское время, наш респондент заметил: *«Ну ничего, когда Т.²⁸ придет к власти... В смысле, когда он сюда придет, тут опять все будет распахано и засажено»*. Стоит отметить, что местные власти упоминались в интервью не особенно часто и далеко не в позитивном ключе, тогда как имя Т. звучало постоянно.

Это предприниматель, начавший свою деятельность на золотых приисках в Бодайбо, но в 2002 г. переехавший в Киренский район. Арендовав лесные деляны, он выстроил на месте бывшего населенного пункта (в «пустоте») лесопилку. Позднее к заготовке леса и производству пиломатериалов добавились автотранспортная и строительная компании, флотилия речных судов, разнообразные торговые предприятия. В начале 2010-х годов у него появилось новое направление деятельности — сельское хозяйство, производство мяса, молока, кормов и т.д.

«Сам нам так и сказал, что лес не вечен, нужно в землю вкладываться. Тогда и начали скупать колхозные паи, землю пахать, скотину разную... разводить, зерно сеять. Считаю, что до В.²⁹ вся земля, которая в деле, теперь ему принадлежит» (мужчина, чуть старше 40 лет, житель Киренского района).

²⁷ Диденко и др. 2015.

²⁸ Фамилия персонажа.

²⁹ Название населенного пункта.

На момент экспедиции (июль-август 2022 г.) Т. выступал основным работодателем для местного населения на территории протяженностью более 300 км вдоль Лены — от Киренска до Витима (лесные деланы, лесопилки, пристани, ремонтные базы, авто- и речные перевозчики, сельское хозяйство и т.д.). Помимо пиломатериалов и древесины, а также грузов в рамках «северного завоза» в Якутию, его суда перевозят и пассажиров. Трудовых ресурсов района не хватает. Потому, как и нефтегазовые компании, предприниматель активно прибегает к вахте. Но если у «нефтяников» *«ближе чем за тысячу километров никого не берут»*, то Т. нанимает и местных. Для всего района он оказывается «хозяином».

³⁰ Зиновьев 2014.

В отношении нанятых вахтовиков его позиция «хозяина» достаточно очевидна. Он устанавливает жесткие правила, чем-то напоминающие правила, действовавшие на приисках в царское время³⁰, требует неукоснительного их соблюдения, вводит штрафные санкции не только за само нарушение правил, но и за споры с вышестоящими.

«Мне один парень рассказывал. Приехали они на автобусе на вахту, а там пьяные и бычки валяются. Их всех на пять тысяч оштрафовали. Он сам не курит и трезвый был. Пошел к начальству жаловаться. Так ему еще семь тысяч штрафа приписали за неуважение к начальству. Вот и выходит, что он и дня не проработал, а уже 12 тысяч должен. У них все так. Работа весь день. Отдых только когда объявят перерыв. Выпил — штраф, покурил в неподобающем месте — штраф, за драку — штраф. А деньги только после вахты» (мужчина, 51 год, житель Киренского района).

При этом вахтовикам оплачивается дорога от дома до места работы и обратно, созданы вполне комфортные по местным меркам условия проживания и отдыха, организовано трехразовое питание за счет предприятия. Да и оплата, по отзывам местных жителей, весьма достойная.

На основных производствах (лесопилки, молочный цех, производство кормов) заняты вахтовики. Но на большей части подсобных предприятий задействованы местные. Здесь отношения выстроены не столь жестко и однозначно — перерывы *«как устанем»*, меньше штрафов. Однако и в этом случае правила устанавливает «хозяин». Инструментов давления у него хватает, и связаны они не только и не столько с позицией главного работодателя. Для местных жителей он не просто работодатель, но «благодетель». Он обеспечивает жителей деревень топливом на зиму (отходы лесопилок) — но может отказать в этом благе. От него зависит, получают ли они зерно для выпечки хлеба, корма для разведения скотины и многое другое.

Когда мы спросили одного из местных жителей, почему в его деревне не держат скотину, он объяснил нам, что «хозяин» запретил выдавать корма на бычков и коров. Рассказанная им в связи с этим история весьма примечательна. Блокировав поставку кормов для скота (у него свой есть), «хозяин» предложил жителям разводить птицу — дескать, он сам будет покупать яйца и тушки. Опасаясь, что в такой ситуации «хо-

зяин» навяжет им слишком низкую цену, они отказались, чем навлекли на себя «немилость». Ее проявлением стало не только прекращение поставок каких-либо кормов вообще, а заодно и топлива, но и отказ закрывать глаза на провоз неоформленных грузов на судах, осуществляющих регулярные рейсы по реке, что лишало жителей деревни доступа к рынкам сбыта продукции их промыслов. И хотя ситуация вскоре разрешилась («хозяину» поднесли медвежьи шкуры хорошей выделки, и он снял опалу), запрет на поставку кормов сохранился.

Показательно здесь наличие у «хозяина», совершенно неполитического актора, права и возможности карать и миловать, налагать санкции и вознаграждать. Конечно, объем его власти даже близко не сопоставим с тем, которым обладали исчезнувшие «региональные бароны», бывшие на своей территории почти суверенными правителями, источниками силы. Хозяин может многое, но исключительно потому, что это позволяет (находит выгодным) носитель реальной, пусть и периферийной власти. Его роль чем-то напоминает ту, что когда-то связывалась с титулом баронета, введенным для того, чтобы власть (королевская) могла осуществлять свою функцию — содержать армию. Конечно, в финансировании армии наш герой не участвует. Но некоторые значимые функции власти осуществлять помогает.

Владея разбросанным на сотни километров бизнесом, «хозяин», «таежный баронет», не может удовлетвориться речным сообщением, которое едва ли не половину года не работает. Потому он ведет активное дорожное строительство (часто с нарушением всех мыслимых экологических норм). Именно эти формально не существующие дороги связывают деревни в некоторое подобие целостности. Пройдет ли дорога через данный населенный пункт, определяется отношением «хозяина» к его жителям.

Важно и то, что эта власть неполитического актора воспринимается местным населением как вполне легитимная. Жители «владений» знают о «баронете», принимают его, проводят по поводу него собственную «политику». Один из вариантов такой «политики» описал нам староста населенного пункта в Киренском районе:

³¹ Название бывшего населенного пункта, где расположена основная часть принадлежащих Т. производств.

«Я как-то привез ягоды в Д.³¹, которые наши насобирали. Настоящие, таежные. У них и запах, и вкус особенный. Хотел ему продать. А он уперся. Не буду, говорит, по этой цене брать. И предлагает мне совсем смешную цену. И я, и он цену знаем. Только он не стал брать. То ли обиделся на что-то, то ли просто не с той ноги встал. Кто его знает. Ну, я, чтобы его не обижать, что через его голову торгую, его замам просто так раздал, без денег» (мужчина, 53 года).

При этом «баронет» — отнюдь не воротила теневого криминального бизнеса. Все предприятия, которые он контролирует, официально зарегистрированы. В 2021 г. их оборот составил более 4 млрд рублей. Т. пользуется областной дотацией на пассажирские перевозки, на свои средства снабжает молоком детские дошкольные учреждения района.

Районные власти не просто о нем знают, но активно взаимодействуют с ним. В деятельности «баронета» не проглядывает не только стремления стать властью или подменить собой власть, но даже склонности к минимальной демонстрации той власти, которую имеет. Только раз, в 2013 г., Т. выдвигался в законодательное собрание Иркутской области, но, что показательно, снялся с выборов. Не свойственно ему и демонстративное потребление. На всем протяжении его «владений» нам не встретилось «дворцов» или хотя бы строений, сходных с теми, что были обнаружены на «межселенных территориях» Жигаловского района³².

³² *Bliakher etc.*
2021.

Иными словами, хозяйствующий субъект, обладающий огромным объемом власти и инструментами энфорсmenta, не является конкурентом легальным органам власти на районном и местном уровне. Попробуем прояснить и описать механизм взаимодействия этих акторов.

Как управлять, если управлять невозможно

³³ *Моляренко 2018.*

Возникшая во второй половине 1990-х годов система местного самоуправления все последние десятилетия подвергалась усиленной оптимизации. Ее функции сужались, передавались низовым подразделениям отдельных ведомств — от функции учета населения до функции взимания налогов и регистрации занятости³³. Уменьшалось число самих муниципальных образований, штат задействованных в них работников. Причины такого развития событий понятны. За постсоветские годы сократилось сельское население, что сделало избыточной и муниципальную структуру. Естественно, что при этом шло активное вытеснение из органов местной власти проникших туда «несистемных» игроков.

Но структуры, на которые предполагалось переложить функции оптимизированной системы местного самоуправления (фискальные, природоохранные службы, МВД и др.), тоже оптимизируются. Будучи первоначально следствием более общего процесса сжатия пространства, оптимизация превращается в один из важнейших его механизмов: наряду с массивом считываемых маркеров наполненного пространства оскудевает и набор операторов, способных их считывать. В результате муниципальные органы лишаются официальной информации о количестве жителей, их занятости, состоянии инфраструктуры и т.д. Резко сокращаются бюджеты муниципальных образований. Возникает ситуация, когда у местной власти не оказывается ни ресурсов, ни легальных компетенций для управления подведомственной территорией.

Между тем именно она (местная власть) ответственна за социальный мир на территории, за благоустройство, поддержание и развитие инфраструктуры, включая медицинские учреждения, учреждения образования и культуры. То есть воспроизводится ситуация, описанная нами в статье «Принуждение к enforcement'у»³⁴. Для того чтобы успешно выполнять свои административные функции, агент или структура вынуждены изобретать новые, не вполне легальные способы действия.

³⁴ *Бляхер,
Григоричев
и Елохина 2021.*

И это в условиях относительно небольших пространств, относительно развитой инфраструктуры. В нашем же случае речь идет о территории, сравнимой по площади с Московской областью и почти вдвое превосходящей Калужскую или Владимирскую, где основной, а порой и единственной транспортной артерией является река. На большей части района отсутствует мобильная, да и любая другая связь. В этом варианте малореальным оказывается не то что легальное знание, но знание о ситуации в принципе. В интервью и беседах с информантами при описании отношений власти и населения часто звучала фраза: «*Нас здесь нет*» («*для власти нас здесь нет*»). И дело тут не в «теневом» существовании. Просто власть (местная, районная, областная) физически не в состоянии составить реальную картину жизни на подведомственной территории, а значит, и действовать. Сколько человек проживает в населенном пункте? Чем они занимаются? Эти и десятки других вопросов остаются без ответа не только на «межселенных территориях», где жители размазаны по огромному пространству приленской тайги, но и в более благополучных поселениях. Так, в ходе общения с одной из информанток, учительницей средней школы, мы услышали историю о том, как она не смогла довести учеников до райцентра, где предполагалась сдача ЕГЭ. Но в отчетах все было благополучно.

Выше мы обращали внимание на различие между пространством крупных корпораций, действующих в этих районах, и пространством местных жителей. Не менее, а возможно, и более глубоким является различие между пространственными представлениями власти (региональной, местной) и подведомственного ей населения. Неизвестное пространство (речь, конечно, идет об отсутствии легального знания: как жители района сотрудники муниципалитетов неплохо осведомлены о реальном положении дел) перестает быть социальным, превращаясь в «территорию». Именно этот термин использовали в беседах и менеджеры нефтегазовых предприятий, и представители власти.

У «территории» сохраняется географическое измерение, она отмечена на картах, имеет координаты. Но главное для нее — измерение административно-политическое. Она включена в общегосударственную структуру, занесена (пусть зачастую абсолютно вне связи с реальностью) в государственные кадастры. На «территории», в соответствии с ее рангом (поселение, район, субъект Федерации), присутствуют различные властные органы. Чего там нет, так это социального пространства, того самого, которое производят (по Лефевру³⁵), в котором живут люди («население»). Это пространство остается неизвестным для районной власти и неинтересным для власти государственной. Издержки, связанные с таким «интересом», оказываются существенно выше тех благ, которые он (интерес) может принести.

Собственно, само по себе подобное «незнание» не несет в себе какой-либо опасности для власти. Как показывает приведенный выше пример с ЕГЭ, писать вполне гладкие отчеты оно не мешает. Проблема в том, что от картины, рисуемой в отчетах, зависит объем средств,

³⁵ Лефевр 2015.

который будет выделен району вышестоящей (региональной) властью. Разрыв между картинкой из отчета и реальностью за окном может привести, скажем, к уменьшению числа койко-мест в районной больнице, ликвидации фельдшерско-акушерского пункта или библиотеки, которая в ряде случаев является еще и единственным источником интернет-трафика, а также местом, откуда можно позвонить.

Однако существует и другая проблема. В неизвестном пространстве остаются жители. Более того, многие из них являются носителями особого статуса «местных». Воспринимая себя и воспринимаясь другими (что постоянно подчеркивалось в интервью) в качестве «хозяев» пространства реки и тайги со всем, что там находится, именно «местные» выступают «источником легитимности» для любых «пришлых», чья деятельность признается легитимной, если идет на пользу «местным». Отсюда столь болезненное отношение к исполнителям «больших проектов», игнорирующим местные интересы и при этом использующим «нашу землю».

Но если в отношении «больших проектов» возможно только недовольство «оккупацией своей земли»³⁶, то в случае местной власти дело обстоит иначе, тем более что для выдвижения претензий к ней есть реальные основания. Местная власть действительно должна обеспечивать жителям доступ к определенным общественным благам (здравоохранение, образование, социальная поддержка и т.д.). Предоставление такого рода общественных благ — основа легитимности власти *per se*. Без этого та довольно быстро «повисает в воздухе», превращаясь в «структурное насилие»³⁷.

³⁷ Алексеевкова
2009.

Поскольку обеспечение общественных благ составляет сам смысл существования местной власти, она не может устраниваться от выполнения этой функции. Но в условиях отсутствия легальных знаний о том, кому и в каком объеме должны предоставляться соответствующие услуги, ей приходится строить свою деятельность на «учете потребностей населения», предполагая не знание реального положения дел, а его имитацию. Такая имитация может быть вполне успешной стратегией муниципального, да и государственного служащего, когда население молчит. Однако это совсем не данность. Как показывает Кордонский, главной формой информирования населением власти о своих проблемах на Руси всегда были жалоба, донос³⁸. Они заменяли так и не сложившуюся в стране практику независимых социологических опросов, «разоблаченное» Джеймсом Скоттом «бюрократическое» (всеобщее) знание³⁹. Не чужды этой практике и обитатели «пустого пространства». Ведь несмотря на то, что пространство «опустело», территория и обязательства в отношении нее остались. О неисполнении этих обязательств и сигнализируют местные жители. О своих обращениях (жалобах) в областной центр, в прокуратуру упоминала едва ли не половина респондентов.

³⁸ Кордонский
2006.

³⁹ См. Scott 2009.

Хотя эффективность таких обращений, по мнению респондентов, не особенно высока, в условиях жесткого контроля вышестоящего уров-

ня управления и правоохранителей над местной властью они чреваты для ее представителей серьезными последствиями, так как могут поставить под сомнение стройную картину бюрократической реальности, порожденную имитацией, а тем самым и само существование «муниципалов» в качестве элемента государственной машины. Чтобы этого не случилось, жалоб должно быть не слишком много. А для этого нужно, чтобы интересы «местных» как-то удовлетворялись.

В более широкой перспективе здесь проявляется конфликт между представлениями о «пустоте» и «наполненности» пространства, разрешить который не способна ни одна из сторон конфликта. Действующая власть не может изменить свою позицию в силу легитимированного статистическими описаниями и логикой оптимизации образа сжавшегося пространства. Местное население, для которого пространство остается наполненным уже в силу *modus vivendi*, не в состоянии корректировать действия власти ввиду отсутствия механизмов легитимации «наполненности». Ситуация становится патовой, поскольку у сторон не оказывается возможностей для «перевода» — согласования представлений об одном и том же пространстве.

Тут и возникает потребность в агенте типа «таежного баронета». Не будучи элементом государственной машины, он гораздо меньше связан существующими ограничениями и может ориентироваться на положение «здесь и сейчас», не нуждаясь во всеобщих нормативах и не используя их. Он «ближе», «доступнее» для местных жителей, чем далекие областные власти или прокуратура, и может оперативно решить их проблему.

«Нам район уже лет пять обещал пристань поставить. Куда только не обращались! Даже в прокуратуру писали. Только толку нет. Приехали какие-то важные, все записали и уехали. И все осталось, как было. А он просто взял и сварил пристань» (мужчина, 53 года, староста населенного пункта в Киренском районе).

Но для чего все эти хлопоты самому «таежному баронету»? Ведь снабжение жителей района топливом на зиму, обеспечение детских учреждений молоком, содержание судна, осуществляющего пассажирские перевозки, разовые благотворительные акции (сварил пристань, дотянул дорогу до селения и др.) — все это издержки, снижающие доходность бизнеса.

Ответ на этот вопрос кроется в особенностях пространства, в котором ведет свою деятельность Т. Это пространство, где от ближайшего полицейского до «владений» более сотни километров, а основные фискальные службы и природоохранные структуры — еще дальше (в основном в Усть-Куте). Иными словами, его бизнес самим пространством (удаленностью, труднодоступностью) защищен от избыточного внимания и контроля со стороны государства.

Вместе с тем «владения» Т. расположены на судоходном участке реки с выходом на железнодорожную магистраль (Усть-Кут — одна из крупных станций на БАМе). Удаленность от власти здесь сочетается

с удачной логистикой, богатыми природными ресурсами (лес, река, таежные дикоросы, заливные луга и т.д.), возможностью рекрутирования дешевой рабочей силы. Именно это, вероятно, и привлекло его в свое время в эти места.

Но такое положение не вполне устойчиво. Ведь если глава района как должностное лицо не может легализовать свое знание о ситуации «здесь и сейчас», то житель района, работающий главой, вполне может мобилизовать силовые структуры, чтобы если не уничтожить «таежного баронета», то создать для него проблемы. Думается, что как раз это обстоятельство и побудило нашего героя в начале 2010-х годов выдвинуть свою кандидатуру на выборах в областное законодательное собрание. В те годы было принято считать, что статус депутата субъекта Федерации позволяет «защитить бизнес»⁴⁰. То, что в конечном итоге он отказался от участия в выборах, можно объяснить тем, что нашлось более эффективное решение — союз с публичной властью.

⁴⁰ Барсукова и
Денисова-Шмидт
2020.

«Таежный баронет» начинает выполнять ряд значимых функций местной власти, тем самым позволяя ей избавиться от потока жалоб со стороны населения, поддержать бюрократическую картину реальности и образ «благополучной территории». И услуги эти вполне «возвратные». Т. является основным оператором «северного завоза» в Якутию, получает дотацию на пассажирские перевозки, пользуется иными льготами районного и областного уровня. Главное же — он остается невидимым.

Его роль в районе чем-то напоминает роль крупного землевладельца в поздней Римской империи: не являясь или не обязательно являясь публичной фигурой, тот занимал позицию между публичной властью и населением (работниками) поместья и выступал для них носителем некоторой политической или квазиполитической функции. Судя по интервью, беседам с информантами и наблюдениям, что-то близкое происходит и в нашем случае. Складываются ритуал и устойчивые практики коммуникации между «баронетом» и жителями, «баронетом» и районной властью, институционализируется круг проблем, которые решает «баронет». Причем если глава района в принципе может смениться, то непубличная фигура «баронета» (так и не ставшего членом Палаты лордов) — гораздо более постоянный фактор, на который не особенно влияет даже смена главы.

Конечно, появление и закрепление столь мощного актора требует стечения целого ряда обстоятельств. Но нечто похожее было зафиксировано нами и на других участках экспедиции. В частности, речь идет о «суровском олигархе», описанном в предыдущей статье по материалам ленских экспедиций⁴¹. И хотя масштаб его деятельности несопоставим с тем, что был обнаружен в Киренском районе, он тоже оказывается носителем некоторой политической функции в «пустом пространстве».

⁴¹ Бляхер,
Григоричев
и Пешков 2022.

Именно такие медиаторы дают возможность связать формализованный взгляд власти и задаваемый им *modus operandi* в отношении «пустого» пространства с реалиями пространства наполненного, тре-

бующего принципиально иного подхода. Именно они (или их представители) мобилизуют власть в ситуации ее удаленного пребывания. Более того, подобные акторы, на которые агент государства возлагает свои функции в обмен на невидимость или просто используя силовой ресурс, обнаруживаются все чаще. Все чаще возникают пустоты, где формируются силовые и квазиполитические операторы различной природы. Они позволяют сохранять видимую целостность территории, политической или административной карты, отражая все более усложняющееся и локализуемое социальное пространство. Разовьется ли эта тенденция в нечто большее, нежели экзотический вывих политической жизни России, покажет будущее.

Библиография

Алексеев Е.С. (2009) «Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против „omerta“» // *Полития*, № 1 (52): 22—44. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Alexeev-2009-1.pdf (проверено 30.05.2023).

Барсукова С.Ю. и Е.В.Денисова-Шмидт. (2020) «„Политические инвестиции“ бизнеса в России, или Почему бизнес финансирует избирательные кампании» // *Полит. Политические исследования*, № 3: 110—125. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2020/3/Polis-2020-3-Barsukova.pdf> (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е. (2021) «Россия, 90-е годы: метаморфозы становящейся политики» // *Полития*, № 3 (102): 72—98. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3\(102\)-72-98.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3(102)-72-98.pdf) (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е. и А.В.Ковалевский. (2021) «Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов востока России (На примере Хабаровска)» // *Полития*, № 1 (100): 75—105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и Ю.В.Елохина. (2021) «Принуждение к enforcement'у, или Государство в поисках силового оператора» // *Полития*, № 2 (101): 47—67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и А.В.Ковалевский. (2023) «Власть на аутсорсинге или медиаторы „пустого пространства“» // *Мир России*, т. 32, № 2: 97—119.

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и И.О.Пешков. (2022) «На краю государства: политическое оформление периферии власти» // *Полития*, № 2 (105): 71—101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2\(105\)-Pages-001-208-71-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2(105)-Pages-001-208-71-101.pdf) (проверено 30.05.2023).

Григоричев К.В. (2013) *В тени большого города*. Иркутск: Оттиск.

Диденко Н.И., Н.А.Конахина, Д.Ф.Скрипнюк и А.И.Шейкина. (2015) «Обзор подходов экономического развития территории Арктической зоны РФ, представленной в виде целевых субпространств» // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, т. 6, № 4 (24): 148—159.

Замятина Н.Ю. и Е.В.Лярская. (2022) «Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам» // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 2: 210—221.

Зиновьев В.П. (2014) «Экономические меры дисциплинарного воздействия на горнорабочих Сибири во второй половине XIX — начале XX в.» // *Вестник Томского государственного университета*, № 382: 104—107.

Зубаревич Н.В. (2012) «Обитаемое и экономическое пространство России: вызовы сжатия и концентрации» // Котляков В.М., ред. *Вызовы XXI века: природа, общество, пространства. Ответ географов стран СНГ*. М.: Товарищество научных изданий КМК: 279—289. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2012/Vizovi,%202012.pdf> (проверено 30.05.2023).

Зубаревич Н.В. (2017) «Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики» // *Мир новой экономики*, № 2: 46—57.

Кордонский С.Г. (2006) *Рынки власти: Административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ.

Кордонский С.Г. (2018) «Неравенство по закону: Вступительный доклад» // Никитский клуб. *Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 91: Неравенство и справедливость*. М.: б.и.: 12—19.

Кордонский С.Г. и Д.К.Дехант. (2014) «Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти» // *Микроэкономика*, № 6: 52—58.

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Люхтерхант Г., С.Рыженков и А.Кузьмин. (2001) *Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области*. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад.

Моляренко О.А. (2018) «Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия» // *ЭКО*, т. 48, № 1: 23—29. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eeco/article/view/1140> (проверено 30.05.2023).

Патрушев С.В., А.В.Жаворонков, О.А.Мирясова, И.Л.Недяк, Ю.Е.Островская, Т.В.Павлова, Д.Е.Притворова и Л.Е.Филиппова. (2022) «Социальные акторы и конституирование политического пространства в России: к анализу стратегий изменения» // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 20. М.: Новый Хронограф: 229—264. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/Patrushev_ejegodnik_2022.pdf (проверено 30.05.2023).

Патрушев С.В. и Л.Е.Филиппова, ред. (2019) *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений*. М.: Политическая энциклопедия.

Паченков О.В. и Л.В.Воронкова. (2021) «„Новый городской активизм“ и „публичная политика“ в России (на примере Санкт-Петербурга)»

бурга)» // *Журнал исследований социальной политики*, т. 19, № 2: 253—268.

Плюснин Ю.М. (2018) «Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения» // *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 21, № 1: 73—106. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/220959836> (проверено 30.05.2023).

Позаненко А.А. (2018) «„Отдельная типа республика“: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ» // *Мир России*, т. 27, № 4: 31—55.

Селеев С.С. и А.Б.Павлов. (2016) *Гаражники*. М.: Страна Оз. URL: <https://khamovniky.ru/wp-content/uploads/Garazhniki.pdf> (проверено 30.05.2023).

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

Толпыгина О.А. (2019) «Невидимки в большом городе: образ мигрантов и мигранток в медиа города Самары» // Пушкирева Н.Л., И.О.Дементьев и М.Г.Шендерюк, ред. *Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН*. Ч. 1. М.: ИЭА им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта: 464—467.

Трейвиш А.И. (2010) «„Сжатие“ пространства: трактовка и модели» // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М.: Эслан: 16—31.

Усова Ю.В. (2020) «Административно-политические элиты современной России в региональном измерении» // *Вопросы этнологии*, № 4: 122—137.

Филиппов А.Ф. (2009) «Прикладная социология пространства» // *Социологическое обозрение*, т. 8, № 3: 3—15. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf (проверено 30.05.2023).

Bliakher L. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov, and Yu.V.Elokhina. (2021) «The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021» // *Северные архивы и экспедиции*, т. 5, № 4: 25—40.

Hochberg G.Z. (2015) *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone*. Durham, London: Duke University Press.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

политика

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, A.V.Kovalevsky

**BARON IS DEAD —
LONG LIVE BARONET**

**POLITICAL MEDIATION ON THE BORDER
OF EMPTY AND FILLED SPACE**

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor at the Higher School of Social and Political Sciences, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs, Irkutsk State University; Professor at the Department of Anthropology and Ethnology, National Research Tomsk State University. Email: grigoritchev@yandex.ru.

Andrey V. Kovalevsky — Junior Researcher at the Department of Research Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: fakzy79@gmail.com.

Abstract. Based on a series of expeditions to the northern area of the Irkutsk region, the article examines the process of the formation of a special kind of quasi-political actors, denoted in the text by the term “taiga baronet”. These actors emerge under the conditions when, as a result of the “optimization” of the structures responsible for collecting information about social space, the latter, from the point of view of authorities, becomes “empty”. Along with the array of interpretable markers of the filled space, a number of operators capable of interpreting them decreases and at the end disappears. As a result, the government turns out to be blind, physically deprived of the ability to perform managerial functions. At the same time, having become invisible to the eye of the authorities, this space retains itself as an administratively and politically structured territory, in which representatives of local authorities are forced to carry out the activities prescribed to them and legally assigned to them. Due to the “blindness” of the authorities, this activity inevitably turns into an imitation. The problem, however, is that the space that the authorities perceive as “empty” still have residents, for whom this space remains both social and “filled,” and who continue to expect from government institutions that they provide a certain amount of public goods. Thus, a conflict arises, manifested in complaints, appeals to law enforcement agencies and higher authorities, which poses a threat to the favorable picture drawn in the reports.

It is the need to somehow neutralize this threat that gives rise to the need for an agent who is not bound by the restrictions associated with the authorities' view and is able to focus on the "here and now" situation, without universal standards. This agent not only assumes a number of functions of the local government, but also acts as a universal mediator between the "empty" and "filled" space, between the local community and the state structure.

Keywords: space, territory, empty and filled social space, control costs, power, population, mediator

References

- Alekseenkova E.S. (2009) "Gosudarstvo i al'ternativnye formy sotsial'noj intrigratsii: strukturnoe nasilie protiv „omertà“" [The State and Alternative Forms of Social Integration: Structural Violence versus „Omertà“] // *Politeia*, no. 1 (52): 22–44. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Alexeenkova-2009-1.pdf (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)
- Barsukova S.Yu. and E.V.Denisova-Schmidt. (2020) „Politicheskie investitsii“ biznesa v Rossii, ili Pochemu biznes finansiruet izbiratel'nye kampa-nii" [Political "Investments" by Businesses in Russia, or Why Does Business Finance Election Campaigns] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 110–125. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2020/3/Polis-2020-3-Barsukova.pdf> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)
- Bliakher L. (2013) "The Regional Barons" // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.
- Bliakher L.E. (2021) "Rossija, 90-e gody: metamorfosy stanovjashchej-sja politii" [Russia, the 1990s: Metamorphoses of the Emerging Polity] // *Politeia*, no. 3 (102): 72–98. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3\(102\)-72-98.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3(102)-72-98.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)
- Bliakher L.E. and A.V.Kovalevsky. (2021) "Bez liderov, lozungov i transporantov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov vostoka Rossii (Na primere Khabarovska)" [Without Leaders, Mottos or Billboards: Fight for the City and Routine Resistance in the Private Sector of Cities in East Russia (Case of Khabarovsk)] // *Politeia*, no. 1 (100): 75–105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)
- Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and Yu.V.Elokhina. (2021) "Prinuzhdenie k enforcement'u, ili Gosudarstvo v poiskakh silovogo operatora" [Forced Enforcement, or the State in Search of Enforcer] // *Politeia*, no. 2 (101): 47–67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)
- Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and A.V.Kovalevsky. (2023) "Vlast' na outsorsinge ili mediatory „pustogo prostranstva“" [Outsourcing Power or the Mediators of "Empty Space"] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 32, no. 2: 97–119. (In Russ.)
- Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and I.O.Peshkov. (2022) "Na kraju gosudarstva: politicheskoe oformlenie periferii vlasti" [On the Edge of the State:

Political Formation of the Periphery of Power] // *Politeia*, no. № 2 (105): 71–101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2\(105\)-Pages-001-208-71-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2(105)-Pages-001-208-71-101.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov, and Yu.V.Elokhina. (2021) “The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021” // *Northern Archives and Expeditions*, vol. 5, no. 4: 25–40.

Didenko N.I., N.A.Konakhina, D.F.Skripnuk, and A.I.Sheikina. (2015) “Obzor podkhodov ekonomicheskogo razvitiya territorii Arkticheskoy zony RF, predstavlennoj v vide tselevykh subprostranstv” [Review Approaches Economic Development of the Territory of the Arctic Zone of the Russian Federation, Presented in the Form of Target Subspace] // *MIR (Modernizatsija. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], vol. 6, no. 4 (24): 148–159. (In Russ.)

Filippov A.F. (2009) “Prikladnaja sotsiologija prostranstva” [The Applied Sociology of Space] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 8, no. 3: 3–15. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Grigorichev K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda* [In the Shadow of a Big City]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)

Hochberg G.Z. (2015) *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone*. Durham, London: Duke University Press.

Kordonsky S.G. (2006) *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2018) “Neravenstvo po zakonu: Vstupitel'nyj doklad” [Inequality by Law: Introductory Report] // Nikitskij klub. *Tsikl publi-chnykh diskussij “Rossija v global'nom kontekste”. Vyp. 91: Neravenstvo i spravedlivost'* [Nikitsky Club. The Cycle of Public Discussions “Russia in the Global Context”. Issue 91: Inequality and Justice]. Moscow: s.n.: 12–19. (In Russ.)

Kordonsky S.G. and D.K.Dekhant. (2014) “Nejtralizatsija ugroz kak forma dejatel'nosti organov vlasti” [Neutralizing the Threats as a Form of Government Activity] // *Mikroekonomika* [Microeconomics], no. 6: 52–58. (In Russ.)

Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [La production de l'espace]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)

Lukhterhandt G., S.Ryzhenkov, and A.Kuzmin. (2001) *Politika i kul'tura v rossijskoj provintsii: Novgorodskaja, Voronezhskaja, Saratovskaja, Sverdlovskaja oblasti* [Politics and Culture in the Russian Province: Novgorod, Voronezh, Saratov, Sverdlovsk Regions]. Moscow: IGPI; St Petersburg: Letnij sad. (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2018) “Izoljatsija vlasti ot naselenija v sel'skoj mestnosti: prichiny i posledstvija” [Isolation Between the Authorities and the People in Rural Areas: Causes and Consequences] // *ECO*, vol. 48, no. 1: 23–29. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/1140> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Pachenkov O.V. and L.V.Voronkova. (2021) “„Novyj gorodskoj aktivizm“ i „publichnaja politika“ v Rossii (na primere Sankt-Peterburga)” [“New Urban Activism” and “Public Policy” in Russia (Case of Saint Petersburg) // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 19, no. 2: 253–268. (In Russ.)

Patrushev S.V. and L.E.Filippova, eds. (2019) *Gospodstvo protiv politiki: rossijskij sluchaj. Effektivnost' institutsional'noj struktury i potentsial strategij politicheskikh izmenenij* [Domination against Politics: the Russian Case. The Effectiveness of the Institutional Structure and the Potential of Strategies for Political Change]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Patrushev S.V., A.V.Zhavoronkov, O.A.Miryasova, I.L.Nedyak, Yu.E.Ostrovskaya, N.V.Pavlova, D.E.Pritvorova, and L.E.Filippova. (2022) “Sotsial'nye aktory i konstituirovaniye politicheskogo prostranstva v Rossii: k analizu strategij izmenenija” [Social Actors and the Constitution of the Political Space in Russia: to the Analysis of Change Strategies] // *Rossija reformirujushchajasja: Ezhegodnik* [Russia in Reform: Year-Book]. Issue 20. Moscow: Novyj Khronograf: 229–264. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/Patrushev_ejegovnik_2022.pdf (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Plusnin Yu.M. (2018) “Promysly provintsii: arkhaiskie i sovremennye ekonomicheskie praktiki naselenija” [The Crafts of a Province: Archaic and Modern Economic Practices of the Provincial Households] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 21, no. 1: 73–106. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/220959836> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Pozanenko A. (2018) “„Otdel'naja tipa respublikha“: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv” [“A Separate Little Republic”: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 27, no. 4: 31–55. (In Russ.)

Scott J.C. (2005) *Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaja kniga. (In Russ.)

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

Selev S.S. and A.B.Pavlov. (2016) *Garazhniki* [Garagenicks]. Moscow: Strana Oz. URL: <https://khamovniki.ru/wp-content/uploads/Garazhniki.pdf> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Tolpygina O.A. (2019) “Nevidimki v bol'shom gorode: obraz migrantov i migrantok v media goroda Samary” [Invisibles in a Big City: the Image of Migrant Men and Women in the Media of the City of Samara] // Pushkareva N.L., I.O.Dementiev, and M.G.Shenderyuk, eds. *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastojashchego: Materialy XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii Rossijskoj assotsiatsii isslegovatelej*

zhenskoy istorii i Instituta etnologii i antropologii im. N.N.Miklukho-Maklaja RAN [Women and Men in the Migration Processes of the Past and Present: Materials of the XII International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the N.N.Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Part 1. Moscow: IEA im. N.N.Miklukho-Maklaja RAN; Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I.Kanta: 464—467. (In Russ.)

Treivish A.I. (2010) “„Szhatie“ prostranstva: traktovka i modeli” [Space Compression: Interpretation and Models] // *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Social-Economic Space Compression: New in Regional Development Theory and in Practice of Its State Regulation]. Moscow: Eslan: 16—31. (In Russ.)

Usova Yu.V. (2020) “Administrativno-politicheskie elity sovremennoj Rossii v regional'nom izmerenii” [Administrative and Political Elites of Modern Russia in Regional Dimension] // *Voprosy elitologii* [Issues in Elitology], no. 4: 122—137. (In Russ.)

Zamyatina N.Yu. and E.V.Liarskaya. (2022) “Ljudi Arktiki v prostranstve Rossii: mezhdistsiplinarnye podkhody k translokal'nym soobshchestvam” [The People of the Arctic in the Space of Russia: Interdisciplinary Approaches to the Translocal Communities] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 2: 210—221. (In Russ.)

Zinoviev V.P. (2014) “Ekonomicheskie mery distsiplinarnogo vozdeystviya na gornorabochikh Sibiri vo vtoroj polovine 19 — nachale 20 v.” [Economic Disciplinary Measures against Siberian Miners in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 382: 104—107. (In Russ.)

Zubarevich N.V. (2012) “Obitaemoe i ekonomicheskoe prostranstvo Rossii: vyzovy szhatiya i kontsentratsii” [Habitable and Economic Space of Russia: Challenges of Compression and Concentration] // Kotlyakov V.M., ed. *Vysovy 21 veka: priroda, obshchestvo, prostranstva. Otvet geografov stran SNG* [Challenges of the 21st Century: Nature, Society and Space. Respond of Geographers of CIS]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK: 279—289. URL: <http://www.eoross.ru/files/books2012/Vizovi,%202012.pdf> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Zubarevich N.V. (2017) “Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki” [Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy] // *Mir novoj ekonomiki* [The World of New Economy], no. 2: 46—57. (In Russ.)